

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. С. Ахиезер

Социокультурная динамика России.
К методологии исследования

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1991-5-5-Achiezer.pdf>

URL: <http://www.civisbook.ru>

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА РОССИИ. К методологии исследования.

А. С. Ахиезер

АХИЕЗЕР Александр Самойлович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института проблем рабочего движения и сравнительной политологии АН СССР.

Успех экономической реформы — ключевого звена перестройки — зависит не только от самой по себе настойчивости реформаторов, но в первую очередь от того, удастся ли преодолеть коренящиеся в глубинных пластах и исторически сложившихся механизмах социокультурной реальности факторы отторжения реформы обществом. Для этого их надо видеть и уметь исследовать, что вовсе не просто.

Автор представляет на суд читателя свое видение путей такого исследования, предпринимая тем самым попытку теоретико-методологического обоснования точки зрения, изложенной им в статье «Что может и чего не может реформа» (см. «Полис», 1991, № 1).

Сегодня с особой остротой ощущается отсутствие у нас знаний о механизмах, приведших страну к кризисному состоянию, чреватому катастрофой, и о механизмах, которые позволили бы выйти из него. Дело тут в уникальности самого предмета, в неадекватности исторически сложившегося понятийного аппарата общественных наук: теории, которыми обычно руководствуются, осваивая данную проблематику, формировались на базе иного исторического опыта, иного менталитета. Подход же, который, опираясь на все достижения общественной науки, поставил бы в фокус исследования соответствующие пласты реальности, предполагает и соответствующий категориальный аппарат, адекватный их специфике, сердцевину которой можно выявить лишь на основе социокультурных закономерностей.

Излагаемая концепция — попытка реализовать обобщающий подход к исторической динамике России. Ее исследование должно охватить общество в его историческом существовании как целостный противоречивый процесс, неотделимый от всемирной истории. Такой подход обусловлен и тем, что решение беспрецедентных проблем, стоящих сегодня перед страной, требует видения всемирно-исторической динамики общества в целом.

ИССЛЕДОВАНИЕ исторической динамики в максимально обобщенном виде, как деятельности народа в целом, а не тех или иных групп, подход, при котором народ рассматривается как в первую очередь массовый субъект исторического процесса, связанный определенным нравственным единством, диктуется важнейшей особенностью России — нравственной напряженностью ее культуры, массового сознания, всего общества, необходимостью ее исследования. Предметом рассмотрения, таким образом, является динамика массовой творческой деятельности, составляющая содержание исторического процесса, движения нравственности.

Исходными категориями предлагаемой концепции являются субъект исторического процесса, его воспроизводственная функция категория воспроизводства (т. е. массовая продуктивная деятельность этого субъекта, направленная на поддержание, воссоздание, развитие социальных отношений, культуры в их противоречивом единстве, на воспроизводство субъектом самого себя). Воспроизводство — обобщающая, всеобщая категория, обнимающая собой все формы деятельности, духовной и материальной, и выступающая как их всеобщее основание и одновременно как объяснительный принцип.

Субъект сохраняет свою жизнедеятельность вопреки энтропийным процессам благодаря своей воспроизводственной способности. Воспроизводство — всегда функция какого-либо субъекта. Субъектом в социальных исследованиях (в отличие от философских) выступает некоторое организованное сообщество — носитель воспроизводственных функций. Это может быть общество в целом, малая группа, партия и т. д. Основу каждого такого сообщества составляет личность, в той или иной форме и степени осознающая себя именно через данное сообщество — через сообщество как целое, возможно, даже ощущающая себя этим целым. Субъект-сообщество — всегда носитель определенной (суб) культуры, а существующие типы воспроизводства в основе своей связаны со специфическим менталитетом. Поэтому в основу типологии форм

воспроизводства может быть положено отношение субъекта, фиксированное в его (суб)культуре, к конечному эффекту воспроизводства, к его эффективности, чем фактически определяется сам характер воспроизводства

Простое (статичное) воспроизводство господствует в традиционном обществе, движимом главным образом, если не исключительно, стремлением к сохранению идеала, принимаемого за абсолютный и неизменный. Здесь общество противостоит изменениям, превышающим некоторый принятый в данной культуре статичный масштаб. Такой тип воспроизводства ориентирован на издавна существующий, исторически сложившийся уровень эффективности, сопротивляясь как его снижению, так и повышению

Интенсивный тип обеспечивает постоянное развитие, совершенствование самой воспроизводственной способности, в нем господствуют достигательные ценности, нацеленность на постоянное повышение эффективности, результативности. Прогресс социальных отношений, культуры рассматривается здесь как ценность

Деструктивный тип характеризуется неспособностью субъекта-сообщества противостоять энтропийным процессам, обеспечить даже сохранение эффективности воспроизводства на достигнутом уровне, не говоря уже о его повышении, противостоять угрозе возрастания социальной энтропии, что ведет к катастрофическому распаду, банкротству ценностей

Воспроизводство, таким образом, носит рефлексивный характер, оно разворачивается в виде динамики самовоссоздания субъекта-сообщества в единстве его противоположных сторон. Это представление может быть положено в основу анализа, понимания, объяснения и прогнозирования динамики исторического пути страны.

ОСМЫСЛИВАЯ специфику исторических путей России, исследователи обычно с той или иной стороны неизменно «выходили» на проблематику Восток — Запад (пытаясь определить место России в этой оппозиции). Представляется, что ныне соответствующая проблематика может получить адекватное выражение не в «географической», а в социокультурной интерпретации, вычленяющей в историческом процессе становление и утверждение оппозиции двух основных цивилизаций: либеральной и традиционной. Выяснению подлежит место России в этой оппозиции (1).

Специфика либеральной цивилизации состоит в ведущей, структурообразующей роли интенсивного воспроизводства, превращении развития личности в возрастающую ценность (2). Истоки либеральной цивилизации можно обнаружить еще в античности, на заре специфически европейского цивилизационного развития, с его полисным генотипом. Оттуда начинали свой сложный исторический путь структуры и ценности, основанные на «свободе собственности и трудолюбии», на «жажде самоутверждения индивида в соревновании с равными себе» (3, с. 10). Для того, чтобы могли исторически реализоваться предпосылки либеральной цивилизации, для ее утверждения на рубеже Нового времени «потребовалась нравственно-религиозная реформация, составившая целую эпоху в социокультурном развитии Запада» (4, с. 349).

Оставшаяся на периферии ареала европейского полисного цивилизационного развития (3, с. 13), Россия не перешла границу либеральной цивилизации, хотя и покинула цивилизацию традиционную (забегая вперед, скажем, что это произошло на волне подъема ценностей утилитаризма, потребностей в росте потребления, в новых средствах для целей воспроизводства общественного субъекта). Однако сама проблема перехода к либеральной цивилизации с определенного момента постоянно на протяжении российской истории выступала как значимая для общества, проявляясь, в частности, в форме стремления к модернизации (5).

Любая из стран, преодолевших сей Рубикон, пережила некоторый переходный период, пройдя при этом противоречивый и весьма опасный путь В Англии — первой стране «первого эшелона» — процесс в целом был органичным, развитие к «либеральной цивилизации» шло на своей собственной основе, через пусть трудное, но последовательное и неуклонное утверждение новых ценностей и форм деятельности в самих глубинах народа. Сложнее обстояло дело в такой стране «второго эшелона», как Германия, где сильное влияние «остаточного» традиционализма в условиях жесточайшего кризиса после I мировой войны породило массовую ностальгию по старым долиберальным ценностям. Но частная инициатива, достигательные ценности уже пустили глубокие корни

в обществе. В итоге даже нацеленность идеологии фашизма, поднявшегося на антилиберальной волне, на возвращение к традиционализму, племенным ценностям парадоксальным образом сочеталась с защитой ценностей частной инициативы, роста эффективности воспроизводства.

Россия, которой начиная с последней трети XIX в. казалось, предстояло составить «третий эшелон», отличалась, однако, от той же Германии гораздо более слабым развитием частной инициативы, неизмеримо меньшим распространением ценностей капитализма (даже «торгового») в массовом сознании. В воспроизводственной деятельности господствовало натуральное хозяйство, и большинством населения частная инициатива, даже торговля воспринимались в значительной степени как нравственно предосудительный род деятельности. Общество в своем развитии столкнулось с явлением, которое можно условно назвать эффектом бумеранга: рост торговли, товарно-денежных отношений, частной инициативы, частной собственности, не будучи дополнен массовым распространением соответствующих ценностей, порождает и накапливал в обществе скрытое ощущение дискомфорта, все более усиливая массовое негативное отношение к подобным переменам. Такой процесс, если он заходит достаточно далеко, несет в себе угрозу взрыва; новые ценности и социальные отношения могут оказаться отвергнуты обществом ради возврата к уравнилельным, натурально-хозяйственным отношениям, обернуться архаизацией общества.

И действительно, с конца XIX в. в России наблюдается существенная активизация общинных отношений и ценностей, что и было ответом основной части крестьянства на усилившуюся после 1861 г. угрозу традиционному образу жизни. С начала XX в. нарастает борьба с кулаком, с богачами в деревне, с частной собственностью. Эта борьба, так или иначе в качестве сквозного сюжета пронизавшая собою массовые движения социальных низов, в конечном итоге завершилась к 30-м годам восстановлением — на мощной волне уравнилельности — государственного крепостничества в неслыханных масштабах, парализовав всякие попытки усилить позиции демократии, либерализма.

Итак, в отличие от Германии, где откат к традиционализму все же удержался на низших ступенях либеральной цивилизации, Россия не смогла перешагнуть ее рубеж. Динамика страны оставалась замкнутой между двумя цивилизациями.

Это дает основание выдвинуть представление о ней как об особой промежуточной цивилизации, где система ценностей являет собой неорганическое сочетание ценностей двух основных цивилизаций (б), где комбинируются два разных типа воспроизводства. Две основные цивилизации, между которыми Россия оказалась словно распятой, фантастически переплелись в теле и душе общества. Эта промежуточность России как цивилизации, это смешение в ней соответственно различных ценностей и форм массовой деятельности могут быть поставлены в центр продуктивного исследования ее исторической динамики, лечь в основу объяснения и понимания ее прошлого и настоящего, в основу формирования прогноза.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ подход к обществу требует исследования того, каким образом в нем сочетаются ценности, связанные с различными типами воспроизводства. Вхождение общества в либеральную цивилизацию предполагает оттеснение на задний план элементов традиционной цивилизации: такие элементы продолжают существовать в определенных анклавах, их можно обнаружить в обыденном сознании, в повседневном поведении. В таком цивилизационном «биоценозе» каждая из локально сосуществующих цивилизаций характеризуется господством соответствующего нравственного идеала, оттесняя нравственность другой цивилизации на второй план. Это сосуществование чревато конфликтами, но в конечном итоге с утверждением либеральной цивилизации приобретает органические формы целостности в виде взаимопроникновения некоторых уровней иерархии целого.

Движение России между двумя основными цивилизациями приобрело конфликтный, неорганический характер, выражающийся в феномене раскола. Это понятие, к которому часто обращались в своих трудах русские мыслители, может трактоваться как понятие социальной теории, обозначающее специфическое патологическое состояние общества, характеризуемое застойным противоречием между культурой и социальными отношениями, между двумя системами ценностей, между субкультурами одной культуры. Раскол возникает тогда, когда общество не в силах преодолеть социокультурные противоречия и пытается к ним адаптироваться. Зрелый раскол, наличие которого может

быть констатировано начиная с эпохи Петра I, означает, что общество постоянно балансирует на грани необратимой дезорганизации, оно находится в перманентном кризисе, под угрозой катастрофы. Для раскола характерен своеобразный заколдованный круг, когда активизация позитивных ценностей в одной из двух частей расколотого общества приводит в действие силы другой его части, отрицающие эти ценности. Например, активизация ценностей прогресса и развития в деятельности модернизаторской правящей элиты может активизировать статичные, традиционалистские ценности определенной части народа а вместе с тем активизация ценностей традиционализма толкает часть общества к ценностям просветительства, прогресса. Имеет место как бы непрерывный двойной эффект бумеранга.

Уходящие корнями в весьма отдаленные времена факторы, способствующие возникновению раскола, его предпосылок, требуют углубленного исследования. Среди них можно назвать длительный период враждебности власти, церкви к народной культуре. «Нечестивая» языческая традиция, куда входили значимые элементы образа жизни, оценивалась как угроза господствующей идеологии (7), Этот мотив красной нитью проходит через всю древнерусскую литературу, отчетливо звучит он, например, в «Повести временных лет». Важной предпосылкой раскола было замеченное еще славянофилами преобладание догосударственных ценностей в народе. Еще одной такой предпосылкой можно считать стойкое негативное отношение к торговле. Меньшинство, тяготеющее к торговле, рассматривалось в качестве носителей нравственно ущербной деятельности. Разумеется, под давлением властей русский крестьянин должен был для оплаты податей постоянно обращаться к рынку за деньгами. Но чем больше он это делал, тем сильнее росло негативное восприятие товарно-денежных отношений, когда их масштаб переходил некоторый ограниченный уровень. Сложившиеся в древности культурные стереотипы дошли до наших дней. «Мы лучше всех культурных народов сохранили природные, дохристианские основы народной души» (8). Наложение государственности, модернизации, новых культурных веяний на все эти обстоятельства породило заколдованный круг.

В ситуации раскола противоположно направленные ценности поляризуются в разных социальных группах, причем механизм взаимопроникновения ценностей, возможностей диалога между ними крайне ослаблен. Когда раскол перерастает в конфликт, группы могут превращаться в глазах друг друга в носителей зла, в источник дискомфорта состояния: для народа таковым может быть «начальство», для начальства — «несознательные, отсталые элементы, попавшие под влияние чуждых нам враждебных сил», и т. д. Раскол исключает общее согласие по поводу масштабов, направленности значимых изменений в обществе. Многообразные формы раскола: между обществом и государством, между народом и правящей элитой, народом и духовной элитой, между этими элитами, внутри акта принятия сложных решений — дезорганизуют воспроизводство. Раскалывается народная почва. Раскол проходит между носителями частной инициативы и защитниками традиционной уравнительности. Внутри отдельного индивида раскол проявляет себя как определенный конфликт ценностей, как отказ от внутренней последовательности в решениях и действиях при разрешении сложных проблем.

РАСКОЛ выступает как абсолютизация, доведение до крайности определенного реального аспекта мышления, его логики, а следовательно, и основанного на этой логике действия. Мышление при этом сводится к постоянному напряженному стремлению преодолеть противоположность двух типов осмысления, нравственной оценки явлений: инверсии и медиации.

В инверсионном мышлении имеет место одностороннее осмысление мира через крайности, между которыми — неосвоенное пространство, культурный «вакуум». О господстве в отечественной культуре подобной логики писали, например, Н. Бердяев, Н. Лосский (9). Инверсия характеризуется абсолютизацией полярностей и минимальным интересом к их взаимопроникновению. По логике инверсии, каждое явление — оборотень, оно может приобщаться к одному полюсу, одновременно отпадая от противоположного. Это движение носит логически моментальный характер. Человек с господством инверсионной логики психологически не выносит трудностей перехода. Он их преодолевает «сломя голову», как зону повышенной радиации. Само оборачивание — результат эмоционального возбуждения, реакция на дискомфортное состояние. Инверсия воплощает способность оперировать сложившейся культурой, т. е. олицетворяет ее консервативную сторону. Инверсия как бы не признает проблем, прибегая к доведенному до автоматизма использованию прошлого опыта. Согласно инверсионной логике, созидание, выход к правде уже содержится в отрицании, разрушении кривды, так как

всякое отпадение, отождествление явления с одним из полюсов оппозиции автоматически приобщает к другому. И наоборот, всякое отпадение от правды столь же неизбежно приобщает к кривде. Это выражается, например, в известной позиции: «кто не с нами, тот против нас». В ней исключается возможность какого-либо третьего решения, например нейтралитета

В ходе истории господство инверсии постепенно оттесняется медиацией, которая характеризуется отказом от абсолютизации полярностей и максимизацией внимания к их взаимопроникновению, к их существованию друг через друга. Медиация возникает вместе с культурой, существуя на заднем плане инверсии. Медиация, по Леви-Стросу, есть некое третье — «нахождение среднего звена (медиация) между этими двумя антагонистическими членами противопоставлений» (10). В господствующую логику медиация превращается одновременно с утверждением либеральной цивилизации, которая сама является результатом медиации: она ищет решение между крайностями, между полюсами дуальной оппозиции, через поиск меры, нового содержания культуры, осмысливаемого через эти полюса. На основе медиации медленно строится прогресс культуры, социальных отношений, всего общества, повышая его способность отвечать на вызов истории, накапливая организованный результат творчества.

Раскол выступает также и как раскол между инверсией и медиацией, а следовательно и как раскол в каждой клеточке значимых решений, что серьезнейшим образом отражается на обществе, на его динамике.

ПО СУТИ, раскол есть результат абсолютизации инверсии в условиях, когда ее господство, в связи с возможным существенным усложнением проблем, может стать разрушительным. Раскол дезорганизует культурную, нравственную основу единства воспроизводства. В основе этого единства лежит определенная исторически складывающаяся система нравственности как ведущей формы культуры. Ее основные ценности можно резюмировать в качестве некоторого нравственного идеала, который является фокусом, организационным центром и одновременно формой нравственности. Нравственность, составляя важнейший накопленный за предшествующую историю данного общества элемент его культуры, осваивается каждым человеком в процессе личностного развития. Это освоение, т. е. превращение накопленной обществом культуры в содержание своего сознания, своей личностной культуры, деятельности, включает требование воспроизводства определенного консенсуса, лежащего в основе необходимой обществу деятельности. Но нравственные идеалы не остаются неизменными, могут также возникать новые идеалы, что создает крайне сложную основу для консенсуса, делает его проблематичным.

Исходный нравственный идеал, возникший еще до государственности, — вечевой. В результате усложнения общества этот идеал, носящий по своей природе синкретический характер, расчленяется на два: соборный и авторитарный. Они выступают как переходящие друг в друга полюса дуальной оппозиции. Между ними возможно возникновение идеала всеобщего согласия как некоторого промежуточного образования, направленного на преодоление крайностей ранее господствовавших идеалов.

В качестве исторически первичной организационной формы соборного идеала выступает собрание членов сельского мира, собрание глав семей, входящих в локальное сообщество, — в традиционной культуре существует первичность «Мы». Соборность, как считали славянофилы, — это свободная братская общность, истоки которой можно видеть в крестьянской общине. Затем она воплотилась в идее коллективизма как идеала образа жизни, управления, форм собственности и т. д. Этот идеал пронизывает всю историю страны, создавая основу для воспроизводства соответствующих форм жизни — от локальных образований до общества в целом. На его основе может существовать стремление к обществу-общине во главе с вечем, т. е. собранием глав основных сообществ, руководителей «всех частей государственного управления, представителей всех ведомств» (11). На соборности основаны Советы с заложенной в них нерасчлененностью законодательной и исполнительной власти. Престиж каждого из членов такого руководства определяется влиянием, силой и престижем руководимого им на авторитарной основе локального мира.

Здесь очевидна амбивалентность соборного и авторитарного идеалов, способных переходить друг в друга. Авторитарный идеал возникает как абсолютизация монолога в противоположность диалогу, абсолютизация роли главы патриархальной семьи, главы

древнего локального сообщества, и именно такие представления экстраполировались при формировании, воспроизводстве государственности на первое лицо, т. е. князя, генерального секретаря и т. д., на руководителя сообщества, ведомства, вотчины и т. д. Первое лицо, по этим представлениям, способно наставлять своих детей, т. е. членов соответствующего сообщества, проводя их через мучительную инициацию, обеспечить их приобщение к правде, спасти от мирового зла, всех равнять, т. е. обеспечивать уравнительность, предотвратить отпадение. Авторитаризму свойствен страх перед разнообразием, стремление подавить его неконтролируемый рост, усилить централизацию решений, упорядочить «жидкий элемент» русской истории (выражение С. Соловьева) — вплоть до установления крепостничества в масштабе общества. Авторитарный идеал в свою очередь переходит в соборный: «Прежние государи искали творить не свою власть, но выражать соборную совесть народа» (12).

Эти рассмотренные идеалы несут в себе явные признаки происхождения от тотемизма: в качестве тотема рассматривается как первое лицо, так и все сообщество (13). Отношение между обоими идеалами строится через дуальную оппозицию: приобщение — отпадение.

Внутренние противоречия воспроизводства, однако, стимулируют возникновение иной нравственной основы, прежде всего утилитаризма, который связан с возрастанием ценностей повседневных благ, в первую очередь материальных, стремлением искать новые средства для существующих целей, превращать среду в бесконечный набор потенциальных и реальных средств. Утилитаризм проистекает из древних форм общения, из коммуникаций, из циркуляции ценностей. Он развивается от умеренного к развитому. Первый характеризуется стремлением увеличить получение благ путем их уравнительного перераспределения, кражи, захвата, нищенства, социального иждивенчества, нажима на потенциальных благотворителей и т. д. Он неотделим от собирательства (стремления достать, а не произвести) и уравнительности. Развитому же утилитаризму свойственно осознание связи между ростом благ и собственной деятельностью по их добыванию, производству. Он требует развития личности и в конечном итоге является отдаленной предпосылкой развития либерального нравственного идеала. Последний также играет возрастающую роль в обществе, будучи нацелен на изменение уже не только средств, но и самих целей воспроизводственной деятельности.

Существуют и иные нравственные идеалы (подробнее см. 14). Их динамика и сложные соотношения на разных этапах составляют нравственное основание сложного воспроизводственного процесса субъекта-сообщества, общества в целом.

КАКИМ ОБРАЗОМ, однако, сдвиги в этом основании воздействуют на сам воспроизводственный процесс, превращаются в сдвиги в нем самом?

Прежде всего, процесс такого воздействия сфокусирован в принятии решения: механизм принятия решений и есть «передаточный механизм» в указанном процессе воздействия. В расколотом обществе, где существуют целые системы нравственных идеалов, сам процесс принятия решений приобретает расколотый характер. Усложнение общества, рост его внутреннего разнообразия, динамизма может не сопровождаться соответствующим совершенствованием способности принимать достаточно эффективные решения. В условиях раскола на определенном этапе сложности сами решения, поскольку они основываются на господстве инверсионной логики, приобретают характер метания между крайностями, т. е. инверсионный, пульсирующий, хромающий характер: формируется цепь решений, в простейшем случае два, из которых первое имеет крен к одному полюсу дуальной оппозиции ценностей расколотого общества, следующее за ним подменяет первое, тяготея к противоположному полюсу. Налицо отсутствие достаточной нацеленности на поиск меры, не совпадающей с крайностями. Решения постоянно отменяют сами себя, запретительные решения принимаются, чтобы их отменить, разрешительные — чтобы запретить. Запреты обходятся «в порядке исключения». В результате ни одно дело нельзя доделать до конца, и в тем большей степени, чем оно сложнее.

Этот феномен отчетливо просматривается в условиях перестройки. История законодательства о предприятиях, кооперативах, о переходе к рынку и т. д., и т. п. представляет собой постоянную, очень скорую отмену, ограничение принятых решений. В России это — повседневность, однако для иностранцев это — загадка, особенно если речь идет о внешней политике. Эти решения, как и всякие другие, сами по себе, несомненно,

мотивируются стремлением снизить дезорганизацию воспроизводства, поддержать и, возможно, повысить его эффективность. Однако рост сложности проблем приводит к рубежу, когда усиление дезорганизации от того или иного хромающего решения может превысить его положительный эффект.

Существование хромающих решений можно выявить на разных уровнях и в разных масштабах, от обыденной жизни до исторической динамики в масштабе истории страны начиная от возникновения государственности до современности, до прогнозируемого периода. Если рассматривать проблему в этом историческом масштабе, можно отчетливо проследить определенные глобальные периоды истории России, в рамках которых существует постоянная смена этапов господства определенного нравственного идеала, который на следующем этапе сменяется на противоположный. Смена каждого этапа последующим является результатом массового разочарования в господствующем идеале, превращения его из комфортного в дискомфортный. По инверсионной логике хромающих решений он сменяется на противоположный. На заднем плане этой логики, то усиливаясь, то вновь отступая, действует медиация, постоянно корректирующая тенденции прямолинейных решений.

Сочетание логики инверсии и медиации породило определенную конечную последовательность сменяющих друг друга этапов, следующих логике инверсии, нарушаемой давлением медиации. В результате образуется некоторый цикл этапов истории. Он может быть назван глобальным модифицированным инверсионным циклом (периодом). В истории страны пока имели место два таких цикла. Есть основания полагать, что ныне общество вступает в третий.

Эти циклы и их этапы в самом сжатом виде выглядят следующим образом. (Ниже параллельно даются этапы первого и второго глобальных периодов, что конкретно раскрывает относительную тождественность периодов, этапов, циклический характер динамики страны.)

I этап. Господство раннего соборного нравственного идеала: а) от князя Олега до удельной Руси; б) от 1917 до середины 1918 г.

II этап. Господство раннего умеренного авторитарного идеала: а) от Ивана Калиты до Великой смуты; б) военный коммунизм.

III этап. Господство раннего идеала всеобщего согласия: а) от смуты до царствования Алексея Михайловича; б) нэп.

IV этап. Господство крайнего авторитаризма: а) от конца царствования Алексея Михайловича до Анны Иоанновны включительно; б) правление Сталина.

V этап. Господство позднего идеала всеобщего согласия: а) от 1762 (вольность дворянству) по 1825 г. (восстание декабристов); б) правление Хрущева.

VI этап. Господство позднего умеренного авторитаризма: а) царствование Николая I; б) период «застоя».

VII этап. Господство позднего соборного идеала, приобретшего форму соборно-либерального: а) эпоха реформ до 1917 г.; б) перестройка (14).

Возникновение идеалов всеобщего согласия, т. е. своеобразных промежуточных идеалов, свидетельствует, что в определенные моменты истории усиливается влияние медиации, активизируются попытки отойти от прямолинейных решений. Возможность этого нарастает после господства крайних вариантов, как известная реакция на их неэффективность. Однако общество оказывается не в состоянии удержать это достижение. Реакция на банкротство промежуточных идеалов приводит, как бы со второй попытки, к господству противоположной крайности.

Этот сложный циклизм постоянно «критикуется» медиацией, стремлением части расколотого общества встать на путь прогресса, модернизации, выйти за рамки промежуточной цивилизации, с определенного исторического момента — стремлением перейти к господству либерализма. Однако в расколотом обществе для этого пока не

хватало сил. Достижения медиации постоянно в этой области отбрасывались, разрушались, что особенно наглядно видно в смене реформ контрреформами. Тем не менее «критика» медиацией постоянно продолжается. Утилитаризм как нравственный идеал, несмотря на свою слабость, враждебность к нему общества, служит стимулом медиации. И все же, хотя давление медиации усиливается (это видно в том же ускорении циклов, в укорачивании этапов), но не настолько, чтобы эти этапы и циклы ослабить, изменить их характер, приблизить к прогрессивному развитию. Давление медиации постоянно сталкивается с противодействием традиционализма во всех его формах, приобретающим подчас разрушительный характер.

Для последнего этапа глобальных периодов характерны попытки реформ, стремление к слиянию двух по сути дела противоположных расколотых движений в обществе, т. е. традиционализма, стремящегося подавить новые ценности, и либерализма, стремящегося их утвердить. Так возникает соборно-либеральный идеал. Это слияние объясняется неспособностью традиционализма самостоятельно на своем языке локальных ценностей выступать на общегосударственном уровне, убедить общество в своей способности разрешить накопившиеся проблемы, создать жизнеспособное государство. Либерализм же, не имея в обществе значимой социальной базы, неизбежно пытается опереться на силы, ведущие борьбу с общими противниками (с самодержавием, с административной системой), объединяясь с традиционализмом. Как показывает опыт последнего этапа прошлого глобального периода, этот союз неизбежно распадается с катастрофическими для либерализма последствиями.

УСЛОЖНЕНИЕ российского общества при сохранении раскола неотвратимо поставило его перед следующими возможностями: а) преодолеть историческую инерцию, преодолеть раскол, чтобы ликвидировать объективную основу хромающих решений; б) пережить национальную катастрофу, т. е. крушение исторически сложившейся, но оказавшейся неэффективной, системы принятия решений. Общество с конца 1861 г. стало уклоняться к либеральной последовательности в практике и организационных формах принятия решений. Эта тенденция была несовместима с расколом, и Россия пошла по второму пути. В результате возникла особая идеология, которую можно определить как псевдосинкретизм (15), для обоснования правомерности хромающих решений, возникла и стала господствующей так называемая партия нового типа, организационно воплотившая возможность управлять обществом на этой основе.

В основе новой идеологии лежало стремление соединить расколотые части общества, сделать раскол как бы несуществующим, вычеркнуть его из сознания людей и тем самым предохранить общество, воспроизводство от его последствий. Задача идеологии включает соединение массовых, пронизанных утилитаризмом традиционных представлений с идеалами модернизации, соединение локалистского, т.е. замкнутого в локальном сообществе сознания, локальных субкультур — с идеей государственности, а самоуправления — с властью партии и т. д. При этом идеология опиралась на известную из опыта истории культуры возможность посредством метафоры синтезировать разнородные представления, взятые из качественно разных пластов культуры: мифопоэтического и понятийно-логического мышления. Например, идея Бога, сформулированная в высококультурных слоях, среди богословов, может слиться в сознании полуграмотного мирянина с идеей местного тотема. Тем самым создается иллюзия отсутствия двух разных типов мышления, двух концепций мироздания, двух путей интеграции общества. Создается определенная предпосылка консенсуса на основе игнорирования внутренних различий. Слово «империализм» может объединить в едином порыве как тех, кто видит в нем научное определение капиталистической западной реальности, так и носителей архаичных традиций, тех, кто видит за этим словом воплощение мирового зла, возможно, образ сельского мироеда, вырастающий до масштабов Вселенной. Идеология формируется из такого рода двусмысленных слов, представлений, словосочетаний, что создает возможность интеграции субъектов разных субкультур.

Большевизм включил в эту систему третью ипостась, связанную с утилитаризмом, — способность утилитарного манипулирования исторически сложившимися ценностями расколотых частей общества с целью формирования защищаемого государством идеологии, способной их объединить. Культура, ценности на протяжении почти всей истории рассматривались как нечто естественное, неотделимое от человеческого индивида, нечто вроде его анатомической специфики, например, формы носа. Теперь же параметры, ранее абсолютные, становятся предметом утилитарного манипулирования.

Тайна победы в 1917 г. партии нового типа, которая еще за несколько месяцев до взятия власти была малоизвестной и маловлиятельной, заключается в том, что все ее противники пытались следовать некоторой логике своих программ, неважно каких. Только большевики заняли утилитарно-конъюнктурную позицию приспособления к той наличной ситуации, которая в условиях раскола неизменно отвечала на любые масштабные решения дезорганизацией. Большевики стремились на эту уникальную ситуацию дать уникальный ответ, а именно — создать идеологические, организационные формы, способные постоянно отменять собственные решения, а также систему безличного и одновременно тотального террора, способную сокрушать любой акт дезорганизации, порождая необоримый ужас у ее (дезорганизации) потенциальных носителей. Для всего этого, возможно, и не надо было большого ума, но нужен был нравственный сдвиг — переход на позиции ограниченного и примитивного утилитаризма в сфере духа.

Партия нового типа не является партией в обычном понимании. Она — особый инструмент, нацеленный на то, чтобы обеспечивать интеграцию общества любыми средствами без ограничений, включая манипулирование всеми имеющимися в обществе нравственными идеалами, постоянно меняя их комбинации в зависимости от смен массовых настроений. Значение партии нового типа заключается в ее способности в хаотическом обществе, не считаясь ни с чем, постоянно перекачивать ресурсы на угрожаемые участки, отнимая их у предприятий, колхозов, граждан и передавая их другим предприятиям, колхозам, гражданам и т. п., нетвердо стоящим на собственных ногах или же выполняющим какую-либо задачу, важную с точки зрения высших властных структур, которые непременно являются и высшими держателями дефицита. Партия в условиях раскола общества оказалась сильна своей способностью постоянно отказываться от собственных решений, от своих собственных идеалов, от своих обещаний, от защиты только что защищаемого ею порядка.

Эта удивительная и плохо понятая способность вовсе не обязательно должна быть присуща всем «братским партиям», которые управляли, не зная феномена раскола. Поэтому судьба последних может мало говорить о возможной судьбе КПСС.

Сила партии нового типа проистекала из ограниченной способности общества приспосабливаться к расколу. Ее победа дала обществу определенный выигрыш во времени, т. е. позволила сохранить государственность при дальнейшем усложнении общества, избежая «ливанизации» страны. «По мере усложнения экономики социализма умножается число задач, неразрешимых в рамках деятельности формальных структур хозяйственного управления, усиливаются трудности взаимодействия различных иерархий и соответственно возрастает руководящая роль партии» (16). Но в конечном итоге эти новые возможности неизбежно должны быть исчерпаны, так как сложность общества продолжает неуклонно возрастать. Неизбежен момент, когда способность этих решений ослаблять дезорганизацию перекрывается опасностью, которую несут сами идеологические и организационные основы и последствия этих решений. Сегодня мы все свидетели и участники именно такой ситуации — ситуации, которую было так несложно спрогнозировать.

Поэтому неизбежно вновь встает проблема преодоления раскола, а не приспособления к нему, перехода к более совершенной системе принятия решений, что требует в конечном итоге выхода из рамок промежуточной цивилизации, перехода к либеральной цивилизации. Возврат к традиционной цивилизации, также логически возможный, маловероятен, ибо вступает в противоречие с ростом широко распространившегося утилитаризма, требующего возрастания потока материальных благ.

Однако избавление от системы хромающих решений не может быть достигнуто ударом в лоб, т. е. административной ликвидацией сложившихся идеологических и организационных форм. Ликвидация механизма принудительной перекачки ресурсов могла бы означать (да это сегодня действительно так и есть), что теперь наиболее угрожаемые участки оказываются без поддержки, будучи предоставлены сами себе в критической ситуации. Таким участком может оказаться любой элемент общества: например, предприятие, которое осталось без средств, без сырья, без денег для выдачи зарплаты, птицефабрика без кормов, город без продовольствия, без топлива, без помощи со стороны находящихся в его черте богатых предприятий и т. д. Всем нужно помочь «продержаться» год, месяц, неделю, день. И все эти бедствующие, когда они почувствуют себя не в состоянии ждать воплощения очередного утопического проекта, могут стать силой, способной вновь восстановить идеологическую, организационную систему принятия хромающих решений, возможно под другим названием и с другой мифологией.

УНИКАЛЬНОСТЬ РОССИИ прежде всего в глубоко укоренившемся расколе, в разительном несоответствии господства инверсионного мышления (через которое прошли, видимо, все народы) и сложности проблем большого общества, уже давно требующих для своего разрешения иной логики.

Общество стихийно адаптируется к зрелому расколу, формируя патологические образования. Например, на основе негативного отношения к торговле, к товарно-денежным отношениям модернизация с самого начала приобрела уродливую форму. Новые отрасли, прежде всего промышленность, начали свой путь развития на основе крепостничества. Предприятия, зависимые от государства, не интересовались себестоимостью собственной продукции, так как им не надо было отстаивать свое место на рынке. Эти предприятия, следовательно, нельзя было рассматривать как капиталистические. В конечном итоге именно зависимое от архаичной государственности хозяйство стало господствующим в результате эффекта бумеранга, подавления капитализма, пробивавшегося сквозь традиционалистскую толщу. Старая государственность, пытавшаяся встать на путь либеральных реформ, рухнула. Непоследовательная, противоречивая зависимость хозяйства от государства стала последовательной. Директивное планирование и управление народным хозяйством на натуральной, доэкономической основе отбросили двойственность прежнего управления хозяйством, балансировавшего между зависимостью от государства и свободной инициативой.

Сложилась уникальная социально-хозяйственная система, в основе которой лежит монополия на дефицит. Эта система возникла в условиях, когда государство на всех уровнях как владелец собственности стремилось получить за нее ренту. На это стремление наложился разрыв между возрастанием потребностей в утилитарных благах и отставанием роста потребности в развитии труда, который мог бы обеспечить удовлетворение растущих потребностей в вещах, услугах и т. д. Одна из форм раскола заключается в том, что эти потребности стремятся догнать соответствующий процесс в либеральной цивилизации, тогда как труд, воспроизводство, соответствующая система ценностей остаются скроенными по мерке простого воспроизводства, традиционализма. Все это сделало дефицит средством господства его держателя над социальной средой, над обществом.

Господство системы монополии на дефицит возникло, следовательно, в результате роста массовой потребности в самих благах, но при отсутствии соответствующей потребности в их росте, что резко повышало ценность натурального продукта, напряжение вокруг него, социальный престиж его держателя, т. е. соответствующего субъекта-сообщества. Система монополии на дефицит существует как пронизывающая все общество густая сеть потоков обмена дефицитом. Монополист стремится не к увеличению и качественному улучшению производства, но к возрастающему укреплению своей монополии на дефицит, к подчинению социальной среды этой задаче. Складывается внутренняя напряженность субъекта-сообщества, существенно отличная от напряженности, присущей двум основным цивилизациям, ведущая в конечном итоге к деструктивному воспроизводству.

В этом обществе определяющей является ожесточенная борьба между держателями дефицита разных уровней. Сюда входит прежде всего высшая власть, в условиях крайнего авторитаризма она стала главным из них. Затем монополия стала переходить к ведомствам и регионам, что получило яркое воплощение в виде таких форм территориального управления, как совнархозы на этапе правления Н. Хрущева. На следующем этапе значительное влияние получила власть ведомств. Для этапа перестройки характерен локализм, т. е. увеличение значимости локальных сообществ: предприятий, колхозов и т. д. — в условиях разрушения организационных форм интеграции общества, государства при недоразвитости компенсирующих форм культурной интеграции» недостаточной ответственности личности за целое. Здесь заключается опасность катастрофической дезинтеграции общества, паралича высших центров управления, циклического поворота к истокам истории, возврата к временам, про которые у С. Соловьева можно прочесть: «Русская история до половины XV века представляет беспрерывные усобицы: «Тогда земля сеялась и росла усобицами в княжих крамолах век человеческий сокращался... Сказал брат брату: это мое, а это мое же... тоска разлилась по русской земле» (17).

Исключительно важной особенностью этого общества является формирование особых псевдокультур, имитирующих развитие структуры посредством использования

относительно простых форм деятельности, не соответствующих поставленным задачам, например, попытка имитировать современную экономическую деятельность посредством доэкономических хозяйственных форм, имитация рынка посредством бюрократического планирования. Эта система возникает в результате попытки разрешить противоречие между эффективными образцами форм воспроизводственной деятельности и неспособностью их воспроизвести в достаточных масштабах. В этой связи можно говорить о псевдоэкономике, имитирующей экономические отношения бюрократическим манипулированием; о псевдоурбанизации, когда формирование городов не сопровождается соответствующим развитием специфической городской культуры; о псевдокооперации, реально скрывающей авторитаризм в хозяйственном управлении. Система «псевдо», опирающаяся на заимствованную из глубокого прошлого принудительную перекачку ресурсов государством, служит основой для формирования социальной структуры, что делает значительные массы людей, например, рабочих, адаптированных к неэффективному производству, крестьян, адаптированных к убыточным колхозам, и т. д., заинтересованными в воспроизводстве этой системы, даже если она носит тупиковый характер.

Очевидно, пути преодоления таких поразительных, вытекающих из раскола явлений, как хромающие решения, мощь локализма, монополия на дефицит, система «псевдо», социальные структуры, адаптированные к патологическим институтам, государственная идеология как средство, способствующее этой адаптации, партия нового типа и т. д., — требуют особой теории, которая раскрывала бы динамику этой промежуточной системы. Надо отказаться от попыток исправить существующее положение, противопоставляя одну утопию другой. Необходим поиск все более глубоких подходов для преодоления социальной патологии раскола, поиск путей выхода из разрушительного промежуточного состояния.

1. Сходную процедуру смены парадигм, или, может быть, даже непосредственного «перевода» одной парадигмы в другую демонстрирует Кинхиде Мушакодзи, высказывая мысль о противоречиях Север — Юг, лишь принявших форму конфликтов Запад - Восток (см. «Полис», 1991, № 3, с. 4). Со своей стороны, известный американский футуролог О. Тоффлер полагает: не «Запад — Восток», не «Север — Юг», а «быстро — медленно» — таково грядущее основополагающее цивилизационное размежевание в мире по признаку «нарастания — отставания» интенсивности воспроизводства под воздействием императивов современного технологического развития. См. Toffler A. The Third Wave. N. Y., 1980. (См. также с. 212-214 настоящего номера журнала. — Прим. ред.)

2. Ахиезер А. С., Матвеева С. Я. Гуманизм как элемент культуры. — «Общественные науки», 1990, № 2.

3. Драгунский Д. В., Цымбурский В. Л. Генотип европейской цивилизации. — «Полис», 1991, № 1.

4. Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс М., 1991.

5. «... есть свой резон и в том, чтобы представить наш отечественный XX век развязкою в схватке утопий — с широким разбросом их (от миродержавно-бюрократической до коммунистической, включая либеральные и неонароднические) и усмотреть общее их минное поле: все раньше или позже подрывались на попытках соорудить из России современную страну» (Гефтер М. Ульянов, он же Ленин. - «Известия», 27. III. 1991, с. 4).

6. Ахиезер А. С., Матвеева С. Я. «Мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку... » — «Атмода», 29. IV. 1990.

7. Романов Л. Н. Культурологические аспекты крещения Руси. — В кн.: Религии мира. Ежегодник. 1987, М., 1989, с. 181 — 182.

8. Федотов Г. П. Русский человек. — В кн.: Новый град. Нью-Йорк, 1952, с. 81.

9. Лосский Н. О. Характер русского народа. М., 1990. Кн. 2, с. 52.

10. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983, с. 206.
11. Ключевский В. О. Соч. М., 1957. Т. II. с 383.
12. Солженицын А, Собр. соч. Париж, 1983. Т. 13, с. 84.
13. Фрейденбере О. Миф и литература древности. М., 1978, с. 25, 31.
14. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Тт. 1—3.
15. Он же. Идеология — предмет науки» наука — элемент идеологии. — «Общественные науки и современность», 1991, № 1,
16. Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма. — В кн.: Погружение в трясину. М., 1991, с. 44.
17. Соловьев С. Собр. соч. СПб, 1901, с. 794.